

18+

В ЭФИРЕ ШОРОХ
Басты Родригез-Иньерригарро

Басти Родригез-Иньюригарро В эфире Шорох. Стихи ... – 2024

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70709584
ISBN 9785006295858*

Аннотация

Мной рассказано. Боже, наверное, это правда. Почему-то всплывают фоном Мадрид и Прадо. Что я помню оттуда? Всплывают чернуха Гойи и твоя лихорадка, избыточный цвет магнолий с муравьями и липким соком на грани гнили, отдающий барокко или соседним стилем, по причине асимметрии. Акцент на лёгкость распада духа с телом. Но я отвлёкся.

Содержание

ПЕШКОМ ПО МАРШРУТАМ ТРАМВАЕВ	7
СТАРОГО ГОРОДА	
забудь	7
кроме сказок про чёрный лес	9
на самой высокой башне	11
post factum	12
грифельно-серый	13
пешком по маршрутам	15
Кальяри	17
бусины страшных сказок	20
колдунья	20
бусины страшных сказок	20
стрекозёл	22
водяная пыль	23
давай от сердца	25
не первый круг	27
от ворот	28
Тандава	29
Sbagliato	31
ПЛОЩАДЬ С ФОНТАНОМ	33
исландский полдень	33
искусственное дыхание	35
на стиле	37

подмена	39
ордалии	41
воля и блажь	43
призраки	44
злое дневное	45
in the middle of nowhere	46
ядро	47
Smalto	49
ИЕРИХОНСКОЕ ЭХО	51
никчёмные дети	51
голодные волны	54
в клещах	55
мангуст	56
крысолов	58
барометр	60
камео	62
вольно	64
тоннельная колыбельная	65
Иерихон	67
поклон	69
квинтовый круг	70
spin-off	75
подспудно алый	76
ОБОДРАННЫЙ ШИК	77
газ	77
дуальный язык	80

in perpetuum	81
и спасибо за спицу	85
el espejo de cuerpo entero	85
Налейте мне фирменный	86
живая вода	87
посеявший ветер	88
в своей манере	89
печать терруара	91
декоративное	94
паргелий	96
кровь и мадера	98
сирокко	100
для уцелевших	101
армада	102
Кататумбо	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

В эфире Шорох Стихи ... – 2024 Басти Родригез- Иньюригарро

Кристина Лавринайтис *Дизайнер обложки*

Кристина Лавринайтис *Иллюстратор*

© Басти Родригез-Иньюригарро, 2024

© Кристина Лавринайтис, дизайн обложки, 2024

© Кристина Лавринайтис, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-9585-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕШКОМ ПО МАРШРУТАМ ТРАМВАЕВ СТАРОГО ГОРОДА

забудь

Ты знаешь, как гаснут свечи
в желании стать луной,
когда горизонт расцвечен
ветрами земли иной?

Как в море ныряют клиффы,
когда опустевший дом
становится частью мифа
и сна о себе самом?

Когда вышибаешь двери,
партер не смей, молчи,
о том, что в придачу к вере
успел потерять ключи.

Боярышник в каплях ягод
шипами не спрячет лаз,
болотные тени лягут
вокруг беспокойных глаз.

Мне нынче и мост сожжённый
надёжен, высок и нов.
Забудь обо мне, рождённом
под звёздами ржавых снов.

кроме сказок про чёрный лес

В битом зеркале и во сне
искажение – не порок.
Лабиринтами, внутрь извне —
я не знаю других дорог.

Искривляются, трепеща,
уголки ежевичных губ;
если рёбра в узлах плюща —
чаща корни пустила вглубь.

Вздрогнул стеблем болиголов:
ведьмин всхлип или вёсел плеск?
По бетонности городов
разбредается чёрный лес.

Право ночи – смягчать углы.
Топкий берег и шаткий мост;
над озёрами зыбкой мглы
рассыпается сахар звёзд.

Перекинуться в грай и смоль,
в центре радужки – чёрный кварц:
если зреет в лопатках боль —
я не знаю других лекарств.

Под крылом горячо саднит
желторотой луны надрез.
Я не знаю других молитв,
кроме сказок про чёрный лес.

на самой высокой башне

Смехом звенишь: «Не страшно»,
взгляд опустить не смея.
На самой высокой башне
ветер всегда сильнее.

Шорох песков бесплодных
служит изнанкой рая.
Колдунья не смотрит в воду,
но непреложно знает.

Озеро льдом накрыла —
звон пробивает толщу,
но друг мой – пока бескрылый —
знает гораздо больше.

Что потерял – вернётся
лет через десять-двадцать.
На самой высокой ноте
лопнет нужда скрываться.

Блёлость пустынь напьётся
кровью лозы незрелой.
До башни, наверх, под солнце
не долетают стрелы.

post factum

Так славно – растеряться по пути
и не идти ни через лес, ни лесом,
не убивать приятное полезным
и не искать, но всё-таки найти;
измерить возраст тысячами лет,
но не копить ни золото, ни опыт,
пролезть в канон апокрифами, чтобы
остался гул над морем, но не след
в чужой земле. Post factum всё одно:
прошло насквозь, задело за живое...
Под солнцем в полдень камни пахли хвоей,
закат в канавы сцеживал вино.
Ночь мягко стелет илистое дно
знаменьем обретённого покоя.

грифельно-серый

Время и небо в конце декабря
кажутся сферой.
Дом твой кирпичный с изнанки не зря
грифельно-серый.

Позднее утро открыло глаза,
чтобы заплакать.
Ну и на чём мне прикажете за
солнцем, на запад?

Остро проклюнулись из-под манжет
чёрные перья —
вот тебе «самый рождественский» цвет.
Полно, теперь ли?

Полночь и снег. Из стакана вино
шепчет – за дверью
есть чудеса милосердия, но
я в них не верю.

Пара глотков, и на память придут —
вдруг, без причины —
блики на стойке в аэропорту.
Рим, Фьюмиччино.

Ночь не иссякнет, но круг завершит
двадцать второго.

Делать из сумрака саван и щит —
это не ново.

Сказки про стрелы и всё, что потом,
с детства знакомы.

Ты заштрихуешь карандашом
место излома?

Дай мне тетрадь, где в бумажной траве
пляшут химеры.

Самый рождественский в мире цвет —
грифельно-серый.

пешком по маршрутам

Вверяя огню минуты
до наступления холода,
солги, что не ищешь повода
для страшной душевной смуты.

Я шлялся пешком по маршрутам
трамваев старого города.
Я думал: «Поедем в Калькутту,
пока мы еще так молоды».

Наш город – скрытый, запутанный,
что кормится только нами,
исчерчен моими маршрутами,
исчерпан твоими снами.

К нему любопытно тянутся
трамваи стальными мордами —
он тлеет во мгле под тяжестью
асфальта чужого города,

дрожит в пузырях игристого
и жаждет иного топлива:
фасадов, калиток, пристаней
в зеленом вине растопленных.

Край неба алеет исподволь
за крышами-волнорезами,
и дремлют трамваи, высунув
свои языки железные.

Качнутся их штанги чуткие,
и фары устроят проводы,
когда мы уйдём маршрутом,
подказанным старым городом.

Кальяри

I

Нетерпеливым в раю не место
меж виноградников и вендетт:
стучишься в церковь – замбók, сиеста,
открыта дверь – ты едва одет.

Ты вроде дома, но за границей:
билеты, чартер, такси, отель.
От Vermentino в глазах двоится?
В знакомом слове – избыток «эль».

Вот так и бродишь полдня, не узнав,
от катакомбы до кутежа,
и слышишь: «Эти, видать, французы —
уж очень бледные для южан».

На утро море, признав, целует,
слюной солёной стирая грим,
но Barcellona – одна из улиц,
а Vía Roma ведёт не в Рим.

Когда остывшая и рябая
кайма песка ускользает в ночь,
диджей незримый, шутя, врубает

в кафе прибрежном Take me to church.

II

Хочешь клубок реалий
перемотать? Изволь:
розовый снег Кальяри —
это всего лишь соль,
мирто и лимончелло —
вот тебе ночь и день.
Что там опять заело?
Стрелы и каравеллы,
прелесть дурных идей,
с вечера штиль – к беде,
чем же теперь наполнить
и паруса, и грудь?
Улица Barcellona.
Я не могу уснуть.

Завтра (уже сегодня) —
вторник, среда, четверг? —
поиск любви Господней
в тысячах лестниц вверх,
в том, что опять некстати
жгуче саднит рука,
в солнце и циферблате,
сорванном с ремешка.
В сумерках, вниз по склону
лёгок обратный путь

на улицу Barcellona,
где я не могу уснуть.

бусины страшных сказок

dedicado a la Sra. Madre Superiora

КОЛДУНЯ

С утра мутит и тянет к чудесам.
Рифмуется в ускоренном режиме —
инерция, течение. Я сам
готов взлететь на воздух при нажиге.

А что за место? Вифлеем, Бедлам?
В груди до боли сжатая пружина.
Пока я режу город пополам,
колдунья заговаривает джина.

Ей век за день – простейший алгоритм,
а я уже двухмерен, и бесцветен,
и невесом, и я ложусь на ритм,
как парус, крылья и слова – на ветер.

бусины страшных сказок

У придорожной лужи
шёпот: отпей, поверь —
не между строк, а глубже
карта чужих потерь.

Сумрак ветвист и вязок:
не было, и возник,
бусины страшных сказок
горечью под язык.

Щуришься близоруко:
слышал – понять не смог,
в каждой не гласной букве
скважина и замок,
кромка ворот резная,
через неё не лезь.

Древняя боль не знает
границ меж там и здесь.

стрекозёл

Он не в себе, так что, прости,
лучше зайти потом,
не знаю, когда.

Лет через сто. Что за беда
ждать? Можешь пока
замуж сходить, дело открыть,
чтоб округлить счёт и бока,
думая: «Он, наверняка,
так одинок. Короток срок
лета, и он скоро поймёт:
счастье – лишь сон. Дёготь, не мёд,
морщусь, но пью, он – стрекоза,
что муравью режет глаза,
не признаёт: осень – пора
и умолять, и умирать.
Пела, зараза, ну а теперь —
пляшет».

Жизнь – это сон, что за беда
ждать?

Можешь взрослеть, можешь ворчать,
и, на досуге, думая: «Он...»,
тихо сыграть
в ящик.

ВОДЯНАЯ ПЫЛЬ

Его дорога уткнулась в лес.
Не ждал ни ужасов, ни чудес,
хоть меж деревьями нет тропы,
где на коре водяная пыль,
на ветках – гроздь сырых миров,
один сорвётся – отравит ров.

Свивая кольца, спешить куда?
Тобой смеётся сама вода,
а в ней осколки несчётных мест,
чей вечный морок – бескрайний лес.

Прозрачен ров, но не видно дна,
деревья вздрогнули. «Жизнь одна», —
вошедший замер. В ответ: «Забудь,
зачем слезами отметил путь
от зимних бдений до летних снов,
где шаг последний – в бездонный ров».

Он лёг на камень и вниз глядел,
припав губами к твоей воде.
Качнулась чётками гроздь плодов.
Один сорвётся – наполнит ров
текучий танец удач и бед,
чужак протянет ладонь к тебе,

но ты не трогай, на тихий звон
не той дорогой уйдёт не он.

Нырять глубже косым лучом,
шагов не слушай – ты ни при чём.
Придя без страха и без тропы,
он сам вдыхал водяную пыль;
не первый гость засмотрелся в ров,
где зрели гроздь твоих миров.

Свивая кольца, спешить куда?
Тобой смеётся сама вода,
в которой блики далёких мест,
чей вечный голод – бескрайний лес.

давай от сердца

Давай про родину и детство,
про каждый день, давай от сердца,
захочешь жить – начнёшь вертеться
по кругу дом-работа-дом
не только телом, но и словом,
не всем доступное – не клёво,
а против лома нет приёма,
и глухота сойдёт за лом.
Какое прошлое, помилуй,
без фильтра тёмное, как пиво?
Тебе семнадцать лет от силы,
а если больше – сам дурак.
Где бунт безвредно-ювенильный,
подъезды, снег, миазмы гнили
и молока, что примирило
с родным унынием двора?

Да мне не влом, могу про детство,
про шёпот стен, могу раздеться
до коллапса́ра в зоне сердца,
не будет мало никому:
придётся шуриться, не веря,
задрать люки, окна, двери
и уши, превращая череп
в подлодку, крепость и тюрьму.

Нет, мне не влом: в мои подьезды
огни болотные пролезли,
под грохот рельсово-железный
пацан в пальто на проводах
грызёт фонарь, в рюкзак не суйся:
застрянешь пальцем – не отпустит
и съест живьём, в кирпичном русле
сровнялась с крышами вода.

Вода – что лом, а против лома
нет ни заклятий, ни приёма.
Что, некомфортно, мутно, стрёмно?
А я здесь – дома.

не первый круг

«Сколько мне лет? А сколько бы вы мне дали?

Знаю, пожизненно. Это не первый круг».

«Понял? Ступени лестницы – ряд педалей, передохни, но прочим не порть игру.

Что тебе стоит склеить байопик скудный: место рождения, паспорт и аттестат?».

«Нет, господа, я взялся из ниоткуда, проще сказать: водился везде, всегда.

С кем я водился? Это вопрос не в тему, верьте-не верьте, я не сдаю своих.

Адрес зашифровать, щегольнуть тотемным перстнем – вполне достаточно для любви.

Кто я такой?“. „Прокатит любое имя, или придумай прозвище, лучше два, или откройся, но не считай своими всех, кто неосторожно тебя позвал».

ОТ ВОРОТ

Мимо Трои да мимо тройки? Лепи горбатого.
Дело песен – (кого-то) строить и зарабатывать.
Почему под софитом шкет с тунядской рожей?
Он о вечном, да не о добром, не о хорошем.

Мимо Трои крадётся некто. Не грек, не Грека.
(Если эта тварюшка шастает через реку,
значит, дядя Харон санирует тропик Рака —
эвфемизм для сиест и рейсов не по контракту).

В документах – заморский дактиль, без мыла опера.
В нарративе – прорыв плотины. Видать, утопия.
Ни в какие ворота Трои не лезет проза:
у него персонажидохнут от передоза

до пролога, но не уходят из круга света.
У него что ни песня, так в город забрался некто —
без коня, без ключей, но с дудочкой гость непрошенный.
Он о вечном, да не о добром, не о хорошем.

Тандава

Бегом по граблям, через лето,
где наверху – там кровать,
чем больше места для браслетов,
тем реже тянет убивать —
зато масштабней. Обветшалость
фасада просит в порошок
стереть фундамент. Начиналось
всё очень даже хорошо:
ещё не плод, уже не завязь,
почти освоил этикет
богов и нищих, изъясняясь
на всем доступном языке,
некстати вспомнил, как чудесно
жить без магнита на спине,
стал занимать всё меньше места
в пространстве плоти и камней,
прощально скалился при встрече
и озаботился всерьёз
проблемой выбора наречий,
ботинок, преходящих грёз
и уходящих в класс «руины»
цивилизаций, стал на треть
подростком, на две трети – миром,
который должен умереть
и театрально, и паршиво,

а воссоздаться второпях.

Аллюр по граблям, танец Шивы —
по сути, пляска на костях.

Sbagliato

Не хочешь – не надо, отпустим трамвай.
Зима бьёт отбой, нас отчётливо двое.
Постой, дай наушник, перемотай!
Что там играло, такое драйвОвое?

Руку на отсечение не дам,
что слышу мотив впервые.
Если я снова уйду в никуда,
ты знаешь мои позывные.

Твой город... – Накрылся. – Не тазом, а мхом.
Послушай, нас балуют: осень, как дома.
Отставить гримасу! Я помню, что дом —
концепт растяжимый, и, стало быть, стрёмный.

Перемотай. Да не время вспять!
Плейлист – до моей, драйвОвой.
Если меня унесёт опять,
ловчая сеть готова.

Я незаменим, ибо знаю состав
лекарства от скуки, рефлексий, агоний.
Заметил? Духи, на запястья упав,
приобретают оттенок Негрони.

Колючие шарфы, под шарфами – шёлк,
изрядная доза британского рока,
и, к слову об этом, включи мне ещё —
в пятнадцатый раз за дорогу.

Руку на отсечение не дам,
что подпеваю впервые.
Если я снова уйду в никуда,
ты знаешь мои позывные.

ПЛОЩАДЬ С ФОНТАНОМ

исландский полдень

«Зови по имени, я приду —
невозвращенец и неврастеник.
Уже не важно, в каком году
я обернулся на шёпот тени,
когда был воском, когда – струной».

«Могу припомнить, но ты не хочешь».

«Исландский полдень – по факту ночь,
так наше время – по сути точка.
Тебе разбавить, поджечь, взболтав?
Привет, беспечный, привет, безликий».

«Исландский полдень... Назвать бы так
коктейль из спирта и ежевики.
Уже не нужно бежать от тем
хоть задушевных, хоть замогильных».

«Кошмар предутренный сладок тем,
что отменяет собой будильник,
другое небо, чужой маршрут,

не мой порядок избитых истин:
все повзрослеют и все умрут.
Я задолбался».

«Ну что, зависнем
вчера, сегодня и завтра там,
где поцелуй – шикарный метод
распределения страшных тайн,
избытка магии и таблеток?»
«Уже не важно, в каком бреде
исландский полдень приравнен к чуду».
«Зови по имени, я приду
и просто буду».

ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ

Под газировку любит пустыню,
графичные тени, кактусы...
Мурлычет в чай: «Пока не остынет,
отчётливо пахнет августом,

добротным, дальним – землёй, корицей,
трухлявыми пнями, ржавчиной
пыльцы под носом. Костёр курится
за лесом, /найдёшь – сворачивай/,

то ближе к ночи, то поутру
щекочет гортань и радужку,
и сладко думать: «Когда умру...».
Смешная была игра. Дыши

ровнее, глубже, лови пустыню,
без кактусов, но с оливковой
горчащей ночью – когда нахлынет
горячка, разбавим сливками,

теплом постели и дрожью тюля,
туманом и шёлком галстука,
уже не августом, а июлем.
Касайся фарфора ласково».

Пропахли кудри землёй, корицей
дорожками лилий, ржавчиной
замочных скважин, а дым клубится
за лесом, всё ближе, жарче, но

под кожей тени, под ряской – пруд
баюкает суеверие,
что отражённые не умрут.
Отчётливо пахнет вереском,

тревогой, дёрном, слегка – пустыней,
бензиновой лужей, ржавчиной.
Смеётся в чашку: «Когда нахлынет,
срывайся и не сворачивай».

на стиле

Дюны, поталь пыльного дрока.
Море лопатками чуя, не трогай
плоскости стен, прочности двери,
тайна в акцентах, если не в вере.

Комьями дёрн, лестницей – корни.
Тихо, не дёргайся. Шорохи в кроне,
там, в темноте – слышишь? Не трогай
гибкости стен, брещи порога.

К уху ладонь /рокот прибора/,
в необитаемой комнате – двое.
В шёлке листвы, прячься, не трогай
зеркала стык, ставший порогом.

Плавно сползай в золото дрока,
к рытвине в зарослях.
Хочешь – потрогай
лужу луны, люминесцентный
кафель – важны только акценты.

Утром – прилив, в зарослях дрока
жемчуг кривится ухмылкой барокко
без ренессанса. Дюны впитали
ропот и надпись: «Дьявол – в деталях».

подмена

Электрический кайф с элементами чуда,
витражи отголосков, янтарь плей-листа
априори разбит, но заточен под чью-то
непрерывную сагу. Дорога чиста:
безопасные игры с резьбой на запястьях,
анаграммы на грани особых примет,
симультанная сцена без базовой части,
теократия смысла, которого нет,
имитация счастья.

Допустимая вольность... Ты знаешь, о чём я:
антикварно изысканный принцип замен —
баш на баш, спуск угря в непроточную дрёму —
«лишь на миг», сам – заказчик, и сам – инструмент
ювелирного взлома.

Эта сказка рассказана мною с начала,
/вероятно с конца, чёрт её разберёт/
адаптация в русле слегка подкачала,
но проверена схема на раунд вперёд:
безразличная сдача пруда обжитого,
анти-стресс колебаний на мглистой волне,
сотворённой вмешательством; слово за словом
ты не угорь – течение, стрелка вовне...
И подмена готова.

ордали

Меня не держит
цепочка лестничных пролётов,
в подвале трубы капают про время и про лёгкий
ужас, стержень
не для письма торчит в кармане —
«на крайний случай» – заговор, звенящий между нами,
кто придумал
маскировать под раздевалку
подполье с вялой лампочкой, которую урвал
я не бесшумно, зато не бесполезно:
нас давят биомассой, и стекло верней железа,
путь разглажен, день ослепительно прекрасен,
а вечер ангажирует прошляться до утра,
такая лажа —
необходимость бить с оглядкой
в момент, когда ни пули, ни клинки не утолят,
усугубляя
синдром врождённой ностальгии,
смеялись: что за чёрт, и сколько раз мы проходили
эти пляски,
никто из нас не дышит ровно
к овациям под видом нанесения урона,
нападали
по наущению привычки,
осознанно рыча и неосознанно мурлыча

гимн ордалий,
звнящий вечно между нами,
сметая антураж и заменяя стержни на...
Мы отбивались
по переносицам, по нотам,
слоилась позолота, оттеняющая, кто ты,
и в подвале
в трубе рождался гул тоннеля —
сигнал, что раньше срока будем праздновать Noel,
нас окружали,
и со всей дури мы любили
разбитые костяшки, яд врождённой ностальгии
на скрижалях
торчащих рёбер,
на сетчатке
горели письма —
«Не разлучат».

ВОЛЯ И БЛАЖЬ

Пренебрежение к холоду – южная
блажь, подчинившая волю зимы.
Хочешь – по новой – про чёртову дюжину
трасс до обрыва? Поехали: мы
будем вслепую встречаться под вязами,
в ломких занозах ловить благодать.
Воля речей – ни к чему не обязывать,
воля молчания – не добивать,
но перекраивать город намоленный,
где ничего не кончалось добром.
Блажь резидента – расстёгивать молнию
не без расчёта на исполох и гром.
Нечто красивое, нечто ненужное —
воск ювелирный, застёжек металл —
это фитиль откровения, ну же,
не словом, так залпом – о чём ты мечтал?
Хочешь – по новой – под розами, клёнами,
хоть на болотах, хоть в дюнах, где дрок...
Город без прошлого, скверик заплёванный —
в жалящем свете расстёгнутой молнии —
узел дорог.

призраки

Ошибка мышления – всякого призрака,
встречая, клеймить экстагическим «Ты!»,
и утром из пены кочующих признаков
я пил узнавание до тошноты.

Я снюсь себе серым, насыщенно-облачным,
обласканным тенью с макушки до плеч,
росой, загустевшей до формы, и сволочью —
заблудшим исчадием слова «совлечь»,
идеей, которая брезжит по праздникам
за выкройкой мышц; если это – душа,
то суд не свершён или прошлое дразнится,
пока я пластичен, и каждый мой шаг —
шассе через стены, что были несущими,
а стали помехой на долгом пути.

Я снюсь себе призрачным до вездесущности,
но не уловившим, куда мне идти.

ЗЛОЕ ДНЕВНОЕ

Ты не умеешь о злободневном,
в ритме дыхания тысяч людей.
Помнишь, над нами спайное небо
уподоблялось зелёной слюде?

Общее небо, частное дело,
ломкое тело не верило в смерть.
Стрелы летели дальним пределом:
рано скрываться и поздно не сметь.

Стрелы летели с дальним прицелом,
небо слоистое сыпалось вниз:
изморось, блёстки, пыль на лице, и
каждый поребрик – немного карниз.

Злое, дневное, личное небо
дышит незримо, но дует на всех.
Мантра известна – зрелищ и хлеба.
Ты несъедобен – это не грех.

in the middle of nowhere

Середина нигде, сердцевина сухого шторма.
Ночь открытых зеркал переносится на потом,
на потоп после нас, на постельную сцену с хором/
хоррор-шоу за шторами. Шорохом шин: за что.

Слышишь шёпот пустыни за шорами потных окон?
Ночь безлюдных заправок без права на щит извне:
выбираясь из детства, попутно сжираешь кокон,
без которого небо доступней и холодней.

Выбираясь, не выберешь. Шёл по шоссе – ушёл ли?
След попутками спутанный вяжет узлы, жгуты.
Ночь открытых зеркал начинается с хоррор-шоу
и вступления хора за пологом глухоты.

ядро

Небо всё ниже, воздух прозрачно-пуст.
Там, за сплошным заслоном колючих трав,
если смотреть на карту, отвесный спуск
и автострада. Ляпнул, глаза продрав:
/до Амстердама поездом – три часа/
«Выплыли, живы. Право, не ожидал.
Что же теперь?». Умыться и расчесать
волосы – не запястья. Шипит бокал,
мне и тебе – разряд витамина С.
Боже благой, вслепую бежал – догнал.
Непа, такие сцены – всегда в конце,
Непа, это – финал.

Ночью – гроза и кобальт в проёмах луж,
эркер, машин пожарных повторный слёт.
Где-то горит? Не верю. Здесь тишь и глушь —
стержень спирали, сфера, ядро. Пробьёт
сколько сейчас? Не знаю. Саднит гортань.
Взгляд на часы бесплоден, там только круг.
«Думай, зрочки-черешни. Кто – я?». Отстань,
думать так больно, бросил давно. /к утру
сдался/. Теплее шерсти колючей под
солнцем – кустарник, листья впитали пар.
Тьма ежевики – пуля за пулей в рот,
каждая – коллапсар.

Ночь. Карандаш. Под веками – два штриха.
«Не разучился, надо же, кто бы мог...».
В пятнах черничных – кожа, сочной греха —
цепь гематом, четыре руки – замок.
День. «Я сюда врасстая, теряю нить».
«Лучше б отрезал». «Nena, тебя несёт.
Куртку забыла!». „Будешь за мной следить?
Если не будешь – я потеряю всё».
Сцеплены руки – нежность больных сирот.
Над автострадой листья впитали пар,
чёрные капли – пуля за пулей в рот,
каждая – коллапсар.

Smalto

Дневной осколок летит по следу:
пока неважно – зачем, за кем.
Skyline, пленённая фиолетовым,
держит марку. На языке

любое слово – отчасти роскошь,
отчасти – дрек, и, конечно, дым.
За мной дорожка – золой и крошками
через толщу большой воды.

Мне обещали: дурное имя
сольётся с ёмким, кинжальным «Будь»,
мне говорили в лиловом дыме
читать диагноз и видеть путь.

Я зарекаюсь ходить к фонтану
и до заката не маюсь тем,
что, зная город, не знаю тайны
за геометрией белых стен.

Моё безумие – просто слепок
с того, что сцежено, испито...
Ночной осколок: иное лето
без календарного «Что потом?».

Во сне я – ветер, и мной полощет
лоскутный космос: ни здесь, ни там,
а, просыпаясь, иду на площадь,
где круг мозаики и фонтан.

Не видя хроник за меловыми
углами улиц, произношу
своё потасканно-злое имя
как выдох ветра и белый шум.

«Всё будет: сочная мякоть лета
с искрящей примесью кислоты».
Мой дым становится фиолетовым,
изумрудным и золотым.

ИЕРИХОНСКОЕ ЭХО

НИКЧЁМНЫЕ ДЕТИ

Несвежее утро, затоптанный луг.
Вповалку – пастушья никчёмные дети:
кресты самолётно раскинутых рук
в набухшее небо забросили сети.

Они по ночам зажигали костры —
не чтобы согреться, а ради забавы;
не к месту красивы, небрежно мудры,
бесспорно виновны, по-своему правы.

Пуская по венам ночную росу,
глушили настойку корней валерьяны,
считали лекарством змеиный укус,
дорогами сны, а ведро – барабаном.

Пока не тускнела похмельно луна,
звенели браслеты, шуршали в мараках
фруктовые косточки и семена
ещё не рождённых желаний и страхов.

Он вздрогнул, проснулся, сквозь смех закричал:

«Недоброе утро, заблудшее стадо!».
Заблеяли овцы с холмов: «По ночам
бесчинствуют, нынче назвать себя рады —
вы слышали, как? Не работая, ждут
что их обеспечат и маслом, и хлебом.
Подгнившая кровь, непригодный продукт,
бесплодная почва, коптителы неба!
Рисуют углём на руках и лице —
такая нелепость рискованней яда.
У нас есть работа, идея и цель,
уж мы – не порочны, уж мы-то не стадо.
Беда, если конь не приучен к седлу,
любителям танцев не быть пастухами.
Во что превратили затоптанный луг,
что нам не годится, но дорог, как память?».

Он капле росы на дубовом листе
спросонья шептал под шуршанье в мараках:
«Я видел поля обнаженных костей
и алое море танцующих маков».

Тянулись друг к другу в смертельной тоске
капризные рты, заострённые плечи;
никчёмные дети ушли налегке,
он шёл впереди, обречённо беспечен,
и слышал в груди нарастающий гул —
под рёбрами море рвало и метало.
А стадо ударно паслось на лугу
и стойко держалось своих идеалов.

ГОЛОДНЫЕ ВОЛНЫ

Захочешь – узнаешь, забудешь – напомним:
ушёл господином, вернёшься неровней,
вернёшься не выпит, не выжат, не сломлен —
иглой вертикально в голодные волны.

Ушёл незабвенным, вернёшься звенящим
ключами от двери разобранной башни.
Ушёл безоружным, вернёшься в рубашке
(на чёрном не видно, не видно – не страшно)
пятнистой, хоть выжми, железно-солёной.
Ушёл безымянным, вернёшься клеймёным.

Стремишься из кожи, выходишь из роли,
наешься словами – захочется крови,
присмотришься к почве – захочется в бездну,
из тени – под лампу, под лампой – исчезнуть.

А всё ещё будет, но всё уже было:
ушёл безмятежным, вернёшься бескрылым,
ущербно притихшим, частичным, неполным,
ключом без замка под свинцовые волны,
от века голодные мерные волны.

В клещах

В клещах банальностей и доктрин
утратишь скепсис и вдруг поверишь,
что здесь, воистину, третий Рим —
он хочет крови и жаждет зрелищ.

мангуст

Ночь у края платформы:
что там – яма, плато?
В башнях – сонные норы,
вдосталь крови и корма,
под надежной плитой
всё в порядке, все в норме,
и не счастлив никто.
Страшно хочется шторма.
Страшно, хочется... Стой.
Нет событий – нет бед.
Слышал звук? Это хрустнул
твой хвалёный хребет.
Грех змеи и мангуста —
и не тянет блевать.
Скрипы – просто кровать
или ложе Прокруста?
Утро, зарево. Густо
населенный мешок
не врубился ещё
кто есть кто, что смешно
и по-своему грустно:
план готов наперёд —
кто второго сожрёт,
тот и будет мангустом.
Очень просто и гнусно —

мезальянс, как искусство.

Что янтарь, что смола
для застрявшей букашки.
Не по росту замашки:
до ошмётков, дотла...
Нет свободы – нет зла.
Тихо-гладко по норам,
мы достигли плато.
Под плитой, под снотворным
все в порядке, всё в норме,
и не счастлив никто.
Адски хочется шторма.

КРЫСОЛОВ

Меж рёбер недуг
зачерпывай горстью,
пусть искры зажгут
труху при норд-осте.
Всё верно, я жду
на здешнем погосте,
что в полночь придут
незванные гости.

Контрастность камней
в насмешливых лицах:
всё то, что «не смей»,
но смеет и снится,
всё то, что сильней
таблетки, таблицы.
В театре теней
завёлся убийца.

Он – пепел и прах
сожжённой бумаги,
сквозная дыра
в доктрине о благе,
он – медленный яд
туманного слова.
Невинные спят

и ждут крысолова.

барометр

Рассказ без финала – открытая рана —
про странные земли, про зыбкие страны,
где солнце процежено в мокрые клочья,
где ясное небо бывает лишь ночью:
при звёздах над крышами чётко видны
вороньи скелеты; дорожка луны,
вспоров водоём, сверкает эспадой, но
солнце встаёт – барометр падает.

Что там за тучей? Ближе смотри:
буря назрела рядом, внутри.

Рассвет непроглядней подлунных бессонниц,
попутчик и встречный – всегда незнакомец,
а вытянешь руки – теряешь ладони.
Фантомы тем площе, чем сумрак бездонней.
Дрожат очертания – кто разберёт?
То море за дамбой, то враг у ворот.
Что выловил взгляд: кострище, лампаду?
Единственный факт: барометр падает.

Стой! Отсыревший провод искрит.
Эхо – снаружи, буря – внутри.

Жечь свечи бессмысленно, факелы – рано.

Играет на нервах, щекочет мембраны
рокочущий гул неизвестно откуда;
качается чаша, растёт амплитуда.
Ни с места, не трогай, вдохни и замри:
снаружи лишь ветер, а буря – внутри,
под выдох сосуд расколется надвое.
Риски растут – барометр падает.

камео

Этот город живёт на изнанке листов,
где чернила проели бумагу. Full stop.
Разрушаемый полис – забота других:
демиург возрождён, архитектор притих,
а голодный заказчик до хищности мил
по ту сторону глянца разлитых чернил,
и художник доволен – взяло, увлекло.
Ловят, глядя друг в друга – не через стекло,
но зеркально – чем были, чем будут потом,
каждый врос в треугольник, за каждым – фантом
дома, каждому внятно: его визави —
и предтеча, и отзвук посмертной любви.

Гравитация в счёт, измерений – лишь три,
архитектор в ударе, художник – внутри,
собирает макет и на вечность плюёт.
Командор щеголяет словечком «улёт»,
днём диктует прошения, ночью строча:
«Эполеты – стигматы с чужого плеча».
Архитектор надменен: «Ну да, не для всех»,
командор стервенеет, не веря в успех.
Снова смотрят зеркально, и каждый не рад,
что засунул другого в дозволенный ад.

Этот город вложить в разрушаемый дом —

почему бы и нет, колдовство – на потом,
да и жизнь на потом, на сейчас – котлован.
От всесилы в спешке болит голова,
от ветвящихся истин туманится суть.
Между делом неймётся встряхнуть, намекнуть,
что встречал по ту сторону и раскусил...
Но не хватит жестокости, близости, сил
сформулировать то, что схлестнулись вотще,
что единый фундамент – изнанка вещей,
говорящая каждым разливом чернил,
что заказчик всем верен – и всем изменил.

ВОЛЬНО

Я бы и рад, да не могу
не превращаться в кровь на снегу,
в зимнюю смерть, в чёртову мглу,
в смех неутешенных, в пляски повешенных,
в ад полумер, в яркий пример
отпрысков полнокровных химер
(комплекс бескрылия, стигма бессилия),
тех, у которых на лбу вместо имени
крупными буквами не «АНЕМИЯ» так
просто «ПРИПЛЫЛИ». Вы ж мои милые,
грезили милями моря под килем, ну
вот и приплыли. Вольно! Приплыли.

ТОННЕЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Куда вложить крылья?
Вопрос не актуален.
Под метро пыли и были
великая тайна
не порождает спроса.
Очнись, свободен.
Это не Стикс, а просто
грунтовые воды.

Ну ты и вляпался, милый,
с лицом нахала
и страстью вкладывать крылья
куда попало.

Вибрируя, загремело
нутро тоннеля.
Умеешь ты выбрать время
для колыбельных.
Ты знал: путь не верен, если
уже проложен.
Зачем тогда выбрал рельсы,
не бездорожье?

Ну ты и вляпался, милый,
скользя на шпалах,

с привычкой вкладывать крылья
куда попало.

На стенах, надёжно врытых
в скупую землю,
качаются тени мирта
и асфоделей.

Под слоем были и пепла
чужих историй
ты пахнешь лозой неспелой
и свежей кровью.

Расслабься, ты выйдешь, милый,
из-под завала,
чтоб снова вкладывать крылья
куда попало.

Иерихон

Куда прикажешь себя волоочь?
Цепь окон, ремонт, уют.
Шатаясь, вышел в чужую ночь,
а думал, идёт в свою.

Неоном вывески «Обувь», «Связь»,
в двух улицах пасть метро.
Он весь непрошенный: кровь и грязь,
и даже, пожалуй, рок.

Сквозь копоть пахнет смолой и мхом,
подумалось: рубишь лес —
он плачет щепками. Иерихон
дымит за спиной. В стекле

витрин плывёт всё то же лицо,
ни пряди седых волос —
убил бы сам за прищур с лентой,
живучесть и спящий мозг.

Ввязался, рот приложил к трубе
(а город — не крепость — тлен),
забыл задуматься, чей хребет
раскрошат обломки стен.

В листе лимонами – фонари,
неонами – «Bar», «Hotel».

Живой – будь счастлив, дыши, смотри:
ты страстно сюда хотел.

Из носа – кровь, а из лёгких – смех.

Не думай, шагай быстреей.

Блокнот у сердца – устав для всех
чужих монастырей.

ПОКЛОН

Сюжет закончен. Господи, прими
живую плоть оставшихся за кадром.
Так не уходят – лязгая дверьми,
воссоздаваясь эхом анфиладным,
держа лицо, бросая огнестрел
(перчатку, кости, фразу без контекста).
Не знал, но был, не видел, но смотрел.
Что дальше? Траектория известна,
пролог отыгран, он же – эпилог,
но рельсы размываются за кадром,
сюжет замкнулся. Аве, если смог
открыть ладонь навстречу бумерангу.

КВИНТОВЫЙ КРУГ

Курс на весну.
Бьются медузами
фары на дне
улиц. Заря
ртутно блеснула
смыслом неузнанным.
Вверх якоря!

Всё позади:
штили и отмели
верных путей,
данных имён.
Плещет в груди
счастье кислотное —
освобождён.

Парус ещё
стянется в узел —
навяжет прыжок
за борт и в синь.
Сыном пришёл,
вышел неузнанным.
Пляшем. Аминь.

Скачем – Аминь! —

между ступенями
намертво в круг
встроенных квинт.
Сколько ты миль
плыл по течению?
Всё, бейдевинд.

Не человек —
верно подмечено.
Явный подвох —
в тонкой спине,
в тяжести век,
в бледности млечной —
ты остекленел,
ломким не став:
росчерк лиловый
рубцов – кракелюр,
только не брешь.
Прочен состав —
тело хоть словом, хоть
скальпелем режь.

Кто ты теперь:
недоутопленник,
полу-дельфин?
До фонаря.
В бездну, за дверь,
с песнями-воплями
глубже ныряй.

Снежная крошка,
ветры разбудят ли,
пой, что не спел,
до хрипоты.
Спорить о прошлом,
печься о будущем
пресно. Где ты,
там фонари
сонно шатаются,
жемчуг и жизнь
в стёклах копя.
Кто говорил,
раковин таинство —
не для тебя?

Не для тебя
корни-чудовища,
вьющие сеть
вверх, по ногам.
Что ж, не любя
город, ты всё ещё
здесь, а не там?

То без причин
тянет покаяться,
то обнажить
бритву-оскал.
Вопли в ночи —

эхолокация,
что ж ты искал?

Курс на июль.
Солнце медузой
ныряет в закат.
Нет, не уйти.
Дразнишь змею
времени узнанной
целью пути.
Чуешь, сейчас
фары преломятся
солнцем в снопах
рыб, пузырей.
В гнёздах Саргасс —
искра – Паломница —
ключ и трофей.

Твой перламутр
битых ракушек
ничтожен, забыт
в сжатой горсти.
Доброе утро.
Кода откушена,
чтоб отрасти
заново в хвост.
Парус сминается,
тащит назад,
рвётся из рук.

Голос не тот
в тех же тональностях,
квинтовый круг —

это спираль.

Бьются медузами
фары на дне
улиц и глаз.

Роль отыграл:
вышел неузнанным —
злей и бледней,
чем в прошлый раз.

Освобождён?

Пойман? Не нужно
просчитывать путь,
если заря
скомкалась до
блудной жемчужины. Вверх якоря!

spin-off

В невинном сиянии сброшенной кожи
ты стал – недобитый – беспечней, моложе,
и смотришь не в бездну, а в зрительный зал.
Твой друг ухмыляется – он так и знал.

Незримый миксолог сегодня в ударе,
сливая на город и джин, и кампари.
Уже за порогом, подумаешь вдруг,
что вермут замкнул бы разомкнутый круг.

Не веришь фасаду, изнанкой не пойман.
Качнулась полынь в обезвоженной пойме —
сорвёшь, разотрёшь и признаешь с трудом,
что рельсы всё те же, за рельсами – дом.

Кирпич обливается – кровью, кармином? —
где раньше ты слепо проскальзывал мимо.
«Там в окнах – закат, или лампа горит?».
Твой друг, не стесняясь, хохочет навзрыд.

ПОДСПУДНО АЛЫЙ

Никто не выдал имени за кличкой,
никто не начал с чистого листа.
Опять на мост, и это символично.
Час до рассвета обещает стать
подспудно алым, непомерно длинным,
иначе ночь не стоила возни.
Река и дело пахнут газOLIном,
но на словах заменим на бензин,
раз не судьба иметь лицо попроще
и промолчать – отнюдь не компромисс.
Снотворный омут, цепь движений – росчерк
по антрациту. Если смотришь вниз,
а видишь небо, значит, всё в порядке
и в беспорядке – каждому своё.
Опять на мост, играть на жизнь и в прятки
с утробной сутью и небытием.

ОБОДРАННЫЙ ШИК

газ

Транслировать сказки – не то же, что зыбкую быль: смолчу в темноте, а на свет символично ощерюсь. Свеча оплывает, и время встаёт на дыбы, вопрос подменяется выдохом в губы, под челюсть, цепляется за невесомые снасти спины холодными пальцами, бьётся солёным прибором: тебе интересно, с чего мы неделю пьяны, а мне интересно, зачем я связался с тобою.

Ты слушаешь сердце. Бокал, между тем, опустел. Бутылка тем более? В стену. Осколки разделим. Тебе интересно, не станет ли плахой постель, и что я, с моей-то мордашкой, искал по борделям (заржал бы, но шутка из тех, что не входит в пазы без гибкости духа и без панорамной картины). Похожий секрет: подставляя под чей-то язык сапог, я рисую в уме остроносый ботинок (их нынче не носят, но я – экзотический шут, пора завести: произнёс и опять захотелось). Маркиз-то в Бастилии... Впрочем, я лучше пишу, хотя оставляю за сценой подробности дела —

ну да, уголовного, как же иначе, chérie,
ты видела простыни, кровь и набор инструментов,
ты слышала шёпот: «Красиво. Пожалуй, замри,
теперь отомри и закончи, вот так, *lentamente*...
Тянуть по слогам, на эн-тэ через нос не дыша:
испанский – пикантная пытка для нёба и слуха».
Проблема с маркизом: он муху натянет на шар
земной, ну а я запихну мироздание в муху,
вселенское зло – в афоризмы о роли добра,
себя – в оговорку «порочен – читай инфантилен».
Интрига в акцентах, сказал бы мой названный брат,
к тому же есть фактор эстетики, вкуса и стиля.

Свеча оплывает, и время встаёт на дыбы.
А помнишь, провинция сплетнями город кормила?
Транслировать сказки – не то же, что зыбкую бль,
тут можно начать с одеяла из донного ила.
Полсотни подростков: ни слуха ни духа с весны,
в июле – кто в речке, кто в топи цветочного сена —
живые. «Что толку? В поместье сбываются сны,
но кормятся явью: среди возвращённых – подмена».
Забавная ссылка – в чужие четырнадцать лет
без права на знание, что это – план или случай,
а новая сцена – угожья, часовня и склеп
(весьма живописный, но кажется, видел получше).
Полсотни подростков – весь август в окрестных полях,
где голос разносится гимнами между снопами,
а ногти упорно рисуют мои вензеля,
ведь знойная одурь до боли похожа на память.

«Среди возвращённых – подменыш». Ошиблись слегка.
Рассветные контуры и сорок восемь скорлупок.
«Отныне свободны? Мертвы?». «Просто снял с языка.
Но было красиво, поэтому каяться глупо.
Ты что-нибудь вспомнил?». «Не знаю». Вина и вино
делились по-братски, на свет прорастали шипами
занозы, а суть облетала чешуйками, но
кровавая одурь и нынче похожа на память.

Свеча оплывает, и время встаёт на дыбы,
в извивах ковра проступил остроносый ботинок,
трансляция сказок, которые – зыбкая быль —
всегда паутина.

ДУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Я нынче слегка – заклинатель змей,
меня не хватает на стук извне,
во мне не хватает живой воды,
но я выдыхаю бесцветный дым
с пигментами слов – гематит, кармин,
и ржёт заклинатель: «Давай, корми
того, чьи рецепторы сладко спят,
кто не распознает ни кровь, ни яд —
он вылакал, глядя на фейерверк,
достаточно. Температура вверх
ползёт: ещё тысяча жизней и
достигнет тепло головы змеи».

Читай, что написано, и не дрейфь:
дуальный язык – филигранный грех,
петля нарратива – скользкий шёлк,
в какую бы сторону ни ушёл
от первоисточника, градус-два
получит змеиная голова,
поэтому – вольно, танцуй на звук,
поверь, что за чарами – ловкость рук,
качайся от ясно к неясно и
люби в заклинателе яд змеи.

in perpetuum

Всё случилось без нас, до нас,
наши тайны – и те займы.
Если сказка всегда одна,
иллюстрации – это мы.

Город ложных смертей влюблён
в непреложность подземных врат.
– Предлагаю конец времён
с фейерверком, любезный брат.

– Постучался домой с утра,
для замка пригодился нож.
– Через год обратится в прах
шелуха. – Не по-детски жжёшь.
Вспомни навык, когда прижмёт:
через год или через день.

В слове «хроника» есть намёк
на хроническую болезнь.

Вечера за тасовкой лиц:
маг, любовник, убийца, шут.
Пандемию не разделить
с пантомимой людских причуд.

Город призрачных стен пленён
обещанием адских врат.
– Не последний конец времён.
– Дошутились. Я очень рад.

Всё случилось до нас, без нас,
резь по сердцу – и та взаймы.
Если в кубке шипит вина,
претенденты на дозу – мы.

– Потянуло домой с утра,
заколочен. Снаружи дождь,
а внутри мошкара, жара.
– Я надеялся, не зайдёшь.
– Что чужую – умыть, раздеть:
in regretuum не чета.
Каноничное «был не здесь»
означает «До встречи там».
Убирайся, пока в руках

разрешение на отъезд.

– Тише, – шёпот-щелчок курка,
– всё не правда. Взгляни окрест
и проверь: что ни тело – воск,
на мостах что ни камень – тушь.
Моветон – принимать всерьёз
карусель для заблудших душ.
Гарью перебивай душок,
сберегая для прочих мест
оплеухи за то, что сжёт
разрешение на отъезд.

Отступая:

– Боюсь, игра
затянулась. И грех, и смех.
– Cherry blossom ещё вчера,
ты и нынче красивей всех.

Этот город почти спасён.
(В смысле, трупы огонь доест.)
Ночь агонии – вот и всё
разрешение на отъезд.
Свежий сеттинг, полёт до дна,
колыбельный фантом взаймы,
впрочем, сказка – всегда одна,

а послание – это мы.

и спасибо за спицу

el espejo de cuerpo entero

/Скорость прибавим, станет не хуже/
Доброе утро, ртутная лужа,
/«холод зеркальный» – в цель, но банальность/
градус поднимем, сменим тональность.

Трещин зигзаги и перекрёстки
звук подрисуют хлёстко и броско.
Зеркало всюду – лишь бы поверхность.
/эго удобно, духу не лестно/

Стрелки на скулах будут ли кстати
так же, как стрелки на циферблате?
/образы, фразы, мутные смыслы,
спрятан костёр, но дым коромыслом/

Что там вчера нарифмовалось,
озеро, время? Сушная малость!
Я не меняюсь десять лет кряду
(кровь-то мешалась разве что с ядом,
вот на неё и зарятся мухи,
кто с непривычки, кто с голодухи).

Я не меняюсь, стрелки зажаты
между стекляшкой и циферблатом.
Не получилось следовать схеме
/А Уроборос знает про время?/

Налейте мне фирменный

Дороги не видно, но есть перекрёсток
и призрак фасада за вывеской броской.
Я предупреждаю: за дверью не столько
прибежище муз, сколько барная стойка,
названия – «Заводь безвременной ночи»,
«Вертеп сопричастности и одиночества» —
меняются с каждой не/новой мистерией,
хотите полегче – не трогайте двери.

В соседнем бокале красиво горит и
я перебираю в излюбленном ритме
слова из-под маски (летально-улётные),
а лунная камедь на вампумах отмелей
рисует счастливый и страшный конец, но
ныряет соломинка глубже. Венеция?
Похоже, но я от укола булавкой
пока воздержусь. В географии плавкой
слетевшей резьбой – эстафета предательств.
Кто был исполнитель, а кто наблюдатель,

ни зги с двух шагов. «Милосердие» крутится —
трехгранное, острое. Слово французское.
Рецепторы просят чего-то эфирного...
Да хоть бы и спирта. Налейте мне фирменный.

живая вода

Песни те же. Про школу и динамит,
где последний – игрушка, символ
или выклик оттуда, где не болит,
не стучит, но горит красиво.
Выше берега градус живой воды,
компонент-антипод упущен.
Если мир – государство, проблема – ты,
если школа, то ты – прогульщик.

Подбираю аккорды. Про динамит.
Разумеется, по-французски.
Я, наверное, море: меня штормит.
Сыплю роз на песчаном спуске
распуская свет – не бикфордов шнур
от весны до весны – припарка
мне подобным, но та же суть. Mon amour,
не скучай. Скоро будет жарко.

посеявший ветер

Посеявший ветер посеял всё,
и может не дёргаться.
За рельсами лес, а в лесу костёр,
придут на костёр гонцы
с шершавого среза большой луны,
с дорожки на плеере —
лазутчики памяти, летуны,
команда расстрельная.
Над городом крапинки зла и льда,
живого и мёртвого.
Над лесом луна, да не та, не та...
В начале четвёртого
крадущийся звук прошивает кисть,
и меж хороводами
хохочут созвездия: берегись
подвижного воздуха.
У пляшущих в нём не нащупать пульс —
нарвёшься на собственный.
Пленённый терновником, скажешь: «Пусть» —
прикинута соснами,
зато мимоходом одушевят —
жди бурю и мучайся.
Посеявшим ветер терять себя —
проказа гремучая.

В своей манере

Положение тел: навсегда не дома,
диалоги на смеси, а местный фоном,
мишура и туристы, высокий спрос на
сантиметры земли, но заброшен остров.

Положение дел... Комильфо – не помнить
пошлой рифмы «она» и «вина». С чего мне,
между брызгами солнца и померанца,
вдруг смотреть ей в глаза через рифт пространства?

Объясняться у пристани странно, стрёмно
(неуместно шучу, что задрал Харона):
«Дайте лодку и не провожайте тех, кто
сам себе проводник и т. д. по тексту».

Унесло, да не вынесло – так бывает,
декорации дремлют на старых сваях,
спутник шёпотом треплет пространство: «Просто
чумовая наживка – безлюдный остров».

Спутник весел, но вёсла ему, похоже,
тоже через перчатки стирают кожу.
Разминает ладонь: «Всё понятно, двери
открываем кроваво, в твоей манере».

Дремлет пепельный мир на фантомных сваях,
повело и не вывело – так бывает:
ил, песок, неустойчивость контрапоста,
и любое пространство – плавучий остров.

Серпантинном водорослей и спиртом
тянет/тянется нитью, сбивает с ритма,
сквозняком у виска эхо: «Снова здесь?».
Я смотрю ей в глаза и ловлю сабспейс.

печать терруара

По чести, нет места для барышни между
«потерянным» и «подающим надежды»
в открытой коляске. Смешок: «Белоснежный
батист откровенно не в масть,
но я ей представлен, и нынешней ночью
интрижку недельную можно прикончить
дебошем, кошмаром, скандалом, короче,
роль куклы – эффектно пропасть.
При всём уважении, рислинг не греет,
шмальнуть пятилетней мадерой быстрее,
чем нёбом за мёдом ловить орхидеи,
сдувая прилипшую прядь».

При всём пиетете, смазливая нежить,
и мотто безнравственном: «Чем бы ни тешилось,
лишь бы дышало», под корпией снежной
без разницы, чем примирять
голодную сущность с безвкусно помпезной
скорлупкой ветвисто разросшейся бездны,
фасады – обёртка, подуешь – исчезнет,
и бог с ней, приехали, стой.
Не прячь под перчатками мраморный холод,
мой друг, ты отравлен, и это надолго,
занозу клещами мурыжить – без толку:
сломаю, и страшно не той

иголкой поддеть. «Он сажает занозы при всякой возможности“. „Спрашивать поздно, но что нас роднит с департаментом Мозель?». Не падай в охоту на боль, а то мы дойдём до изнанки Тосканы к утру, воскрешая нездешние раны. Не лучше быть неуязвимым и пьяным? На лестнице, сразу? Изволь.

Подружка краснеет, не чуя подвоха,
/а чем бы ни тешилось, лишь бы не сдохло/
рапира и хлыстик вписались неплохо
в подвластный канонам портрет.
Я пью из горла, на пороге зависнув,
под крышей люкарна студёней, чем рислинг,
практично: не страстью, так злостью давиться,
искрит – хоть на время согрет.

«Кружи меня» – кредо удобное, впрочем,
приелось в два счёта. «Желаешь отсрочить?». Гвоздём по стеклу минеральная горечь —
печать терруара. Решай,
смешливая нежить, вести до излома,
до крови не первой, до первого слова,
свистящего пулей, а, может, до дома?
Смотри, до чего хороша.
Призыв без ответа, напрасные слёзы,
/а чем бы ни тешилось, лишь бы не мёрзло/
причём здесь изнанка Тосканы и Мозель

останется тайной пока.

Он видит себя – непорочного – в стёклах,
а я – как работают плечи и локоть,
на каждом ударе свободней, и ёкает
сердце, зима у виска

теперь не тревожит, но что же мне делать,
/печать терруара – сама неизбежность/,
когда испита ночь и спрятано тело?

Сатин одеяла – отчаянно белый,
опять остывает голодная нежить,
иголка не найдена. «Чем бы ни тешилось»...

Что же мне делать,
что же мне делать.

декоративное

От луны к тебе пробежал цепочками —
украшение, а не мост.
Где кустарник – лонжей, из вязкой почвы
прорастающей на износ,
там слепой баланс на краю безгрешен,
а свинцовая речь – виной.
По асфальту – сеть, подворотня – трещиной.
То есть поздно вскрывать вино.

Фонари надкушены. Обесточен
проход к отверстому гаражу.
От луны к тебе побежал цепочками —
лёг ремнями скупой ажур
на плечо не улично обнажённое —
украшение, не доспех.
Попрекают окна чужими жёнами.
То есть поздно припомнить всех.

Поле битвы – ночь, гаражи – останками.
Поболтаем, пока одни?
У луны к тебе – ничего константного:
ни опеки, ни западни.
За тобой скользит полоса прилива сквозь
человечьи дома, дворы.
Вспомнил тлен свинцовый на коже сливочной.

То есть поздно вскрывать нарыв.

Предстаёт свидетелю – нервным почерком,
перемычками – витражу,

а луне – колючками и цепочками
на плече теневой ажур.

Подворотня водоворотом кружится,
нагреваясь быстрее вина.

И ладонь, и лоб охладит оружие.

Не отвертисься – принимай.

паргелий

Шпаги и огнестрельное —
на середину комнаты.
Свечи как мера времени
здешнего, дальний колокол —
внешнего. Над макушками
шёпот летит зигзагами:
«Лучше забыть раскушенный,
нагло красивый заговор.
Ваша дорога – мимо,
в провинцию, за границу,
масками или мимикой
лица стирать, амбиции
звонко отпеть, бокалами
чокаясь с одиночеством.
Истина, что ласкала нас,
станет в устах доносчика
пошлой фальсификацией,
впрочем, герой отсутствует.
Вас, господа, касается
только одно напутствие
(может, оно опаснее
нашей подложной хроники):
право на власть – фантазия,
вес придаёт короне лишь
вера». Виконт растерянно

кормит огонь бумагами
с мифами о сплетении
власти, любви и магии:
лики, которых не было,
годы, что бились волнами,
сами легли омелой на
буйные родословные.
Хочется тайно всхлипывать,
как в ноябре над листьями:
жаль не свободы с титулом —
жаль окрылившей истины.
Жаль не заржать залиvisto,
радуясь чьей-то фразе: «Мы
выберем сами истину,
если весь мир – фантазия».
Змейками жар колеблется
над восковыми лужами.
Предки, которых не было,
ждут в зеркалах. Оружие
манит огнепоклонников
на середину комнаты.
Ставшая пеплом хроника
перекрывает колокол.

КРОВЬ И МАДЕРА

Пепельной горечью,
угольной полночью
дышит окно.

Ох и невесело
в доме, где плесенью
пахнет вино.

Нет достоверности
в гладкой поверхности
мутных зеркал.

Девочка славная,
я тебе главного
не рассказал.

Бьёшь по касательной
взглядом внимательным —
ладно, смотри.

Полдень на улице
жарко беснуется —
полночь внутри.

Тянешься гибко,
я за улыбкой
прячу оскал.
«Что за манеры?».

Выпей мадеры
полный бокал.

Блики янтарные,
струны гитарные
нервно дрожат.
Души наизуворот,
что-нибудь выгорит:
рай или ад.

сирокко

Знаешь ветер, что дух выжигает дотла,
побуждая святых на дурные дела?
Иллюзорно бесплотен, горяч, невесом,
я свинец, бьющий в цель, наповал, напролом.

Я пришёл. Это значит: вдыхай меня ртом,
отрицая, что ночью молилась о том,
чтобы горький песок закрипел на зубах,
воскрешая давно похороненный страх.

Я внимаю кошмарам и к нежности глух,
я готов не утешить, а ранить твой слух,
я дорога за край, что коварно легка,
я и рвущая боль, и тупая тоска.

Я задушенный стон, я покинутый дом,
безрассудный налёт, беспричинный погром,
ты открыла окно – я ворвался в проём,
ты осталась одна. Мы остались вдвоём.

Я зигзаг, я излом, я врождённый порок,
априори назло, неизбывно не впрок,
из пустыни в пустыню, как водится, но
ты открыла окно.

для уцелевших

Во сне рука сжимается в кулак —
мне снишься ты, ей снится только дага,
и жаль очнуться. Ночи чёрный флаг
ещё не спущен. В тягость, но во благо
смотреть/курить в больничное окно,
минуты до ненужного восхода
считать и думать: всё возвращено
к исходной точке. Слушай, год от года
мы остаёмся теми, кто мы есть,
что не всегда к добру, но что немало —
в пробелах зашифрованная весть
для уцелевших после карнавала.

армада

Промозглую бухту накрыло туманом,
Сощуренный глаз сверлит мутный рассвет.
Ирландское море. Какие тут планы?
Ни сил, ни желаний, ни выбора нет.

Кататумбо

В прямоугольной, глянцевой тьме оконной
ждёт заготовка для аниме или иконы —
образ условный, пара примет. Искомый
смысл ускользнул под веко; тоннель глубже, чем кома.
Там проступают чётче икон и молний
ветви царапин под кадыком. Стелются волны.
Жгучие плети бьют над рекой безмолвно.
От Кататумбо до катакомб – меньше, чем слово.

Стелются волны к озеру Маракайбо.
Карты дурные, душный кошмар, трюмы и крабы.
Между войной и скукой – тюрьма. Рука бы
перечеркнула целый роман? Верится слабо.

В битвах, сюжетах, землях, мирах, водах глубоких,
карты – не главное. Та же игра в покер:
раунд загублен парочкой фраз. В каждой эпохе
я проиграл войну – и не раз... Похер.

То ли набросок для аниме, то ли икона
в прямоугольной, глянцевой тьме оконной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.